

К ИСТОРИИ «ПОВЕСТИ О НОВГОРОДСКОЙ РОПАТЕ» – МЛАДШАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ (ПОГОДИНСКАЯ ИЛИ «ФАРЛУКОВА») РЕДАКЦИЯ СЮЖЕТА

© 2019 г. А.А. Турилов

*Канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: aaturilov@gmail.com*

Падение независимости Новгорода сопровождалось в первые десятилетия после этого события стремлением образованных горожан (и прежде всего из среды духовенства) зафиксировать устные предания, связанные со столетиями процветания города на Волхове. Эти предания имеют разную историческую ценность, но как правило, они интересны в литературном отношении. Порой они несут на себе печать неоднократного редактирования, восходя при этом несомненно к единому источнику. В статье рассмотрена практически неизвестная доселе редакция широко известной «Повести о новгородской ропате» (латинском храме). Новый текст, датируемый второй половиной XVI в. и публикуемый в приложении, являет незаурядный пример фольклоризации сюжета (вплоть до замены главного героя) при сохранении общей сюжетной канвы.

The fall of independent Novgorod was marked, in the first decades after this event, by desire of educated citizens (first of all from the clergy) to fix oral tradition connected with the centuries of prosperity of the city on the Volkhov river. These stories are of varying historical value, but, as a rule, are interesting as literary texts. Sometimes, they bear the stamp of repeated editing, but undoubtedly all go back to one source. In the article, the practically unknown redaction of the well-known «Tale of the ropata of Novgorod» (Latin temple). The new text, dated by the second half of the sixteenth century and published in the Annex, is an outstanding example of folklorization of the plot (up to the replacement of the main character) while maintaining the overall plot canvas.

Ключевые слова: Новгород, латинские храмы, посадник Добрыня, сотский Фарлук, устные предания, их фиксация и степень достоверности.

Keywords: Novgorod, Latin temples, posadnik Dobrynya, Farluk, oral tradition, their fixation and degree of authenticity.

DOI: 10.31857/S0869544X0004203-6

Повесть о немецкой (варяжской) «божнице» («ропате») в Новгороде (или «Повесть о посаднике Добрыне»¹) принадлежит к числу древнерусских литературных произведений, давно и хорошо известных исследователям. Достаточно сказать, что впервые она была издана Н.М. Карамзиным в качестве примечания 36 к третьему тому его «Истории государства Российского» [1. С. 154–155; 2. С. 607–608]. Итоги изучения памятника (совместно с перечнем публикаций) до конца 1980-х годов подведены Л.А. Дмитриевым в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [3]. За последнее время исследование памятника продолжалось как филологами [4. С. 140–141, 148–156, 160–161], так и историками [5. С. 559–560; 6. С. 79–80; 7. С. 325–326].

Повесть известна в трех редакциях [3. С. 226; 5. С. 559–560], из которых изучены и опубликованы к настоящему времени лишь две². Вторая (которую уместно именовать житийной, поскольку она представляет два чуда при житии Иоанна Предтечи) была опубликована спустя 90 с лишним лет после первой [8] и не получила такой известности у исследователей. Отличия между редакциями подробно проанализированы в статье Е.А. Рыбиной [9]. Несмотря на них, тексты имеют и много общего, начиная с имени и сана главного героя — посадника Добрыни, именуемого в первой редакции «степенным посадником». Здесь уместно вкратце напомнить сюжет повествования [10. С. 188–191]. Немецкие «гости» («латиняне» во второй редакции) обратились к новгородскому архиепископу (не названному по имени ни в одной из редакций) с просьбой поставить в городе церковь по своей «вере и обычаю», но не получили на это согласия. Тогда иноземцы дали посаднику Добрыне «посул велик» и тот посоветовал им шантажировать горожан и владыку закрытием православных храмов в западных городах. Тогда новгородцы вынуждены были согласиться на требование иноверцев. Для постройки своего храма «немцы» выбрали место в центре Торговой стороны, где стояла деревянная церковь Иоанна Предтечи, которую в связи с этим по приказу Добрыни перенесли в другое место. За это посадник жестоко поплатился. Когда он со своими людьми в «насаде» переезжал Волхов в направлении Добрыниной улицы (т.е. с Торговой стороны на Софийскую), поднялся сильный вихрь, который подхватил судно и поднял его высоко над водой, а затем обрушил в Волхов. Посадник Добрыня утонул и не получил христианского погребения, его спутники были выловлены из реки. У события было много свидетелей, поскольку накануне пономарь перенесенной церкви Иоанна Предтечи ночью «слышал глас», призывающий горожан идти на Волховский мост «смотреть Добрынина посадника чуда». После постройки «ропаты» немцы без разрешения архиепископа наняли иконника, который написал на углу храма образ Спаса. Сразу после снятия с изображения покровра внезапно пришла «туча с дождем и с градом» и смыла образ до основания.

Достаточно задолго (за четверть века) до введения в научный оборот второй («житийной») редакции повести, в печати появились сведения еще об одном ее варианте, явно отличном от двух других. В 1882 г. вышла в свет первая часть «Описания церковнославянских и русских рукописей Публичной

¹ Последнее название применимо, впрочем, как явствует из публикуемого текста, лишь к известным ранее редакциям.

² Уместно напомнить, что в «Словаре книжников Древней Руси» третья редакция лишь упомянута (без указания на шифр и датировку рукописи (!) и ее описание) и сказано, что она «представляет собой совершенно самостоятельную (вероятнее всего позднюю) переработку легенды о варяжской божнице. Эта редакция с двумя другими редакциями повести никак не связана» [3. С. 226]. Таким образом, вся информация о ней ограничивается непрофильными сведениями в энциклопедической статье [5. С. 560].

библиотеки» [11], представлявшая начало огромного проекта, задуманного главным хранителем Отдела рукописей А.Ф. Бычковым³. Здесь под № 13, в составе сборника из собрания М.П. Погодина (№ 1570), составленного из двух рукописей XVII в.⁴. П.М. Строевым, на л. 190–193об. и помещена рассматриваемая редакция повести. А.Ф. Бычков описал сюжет весьма подробно, с цитатами и пересказом, приведя ссылку на одно из изданий первой редакции [11. С. 46–47].

Что же представляет собой текст в Погодинской рукописи? Прежде всего, это «Повесть о новгородской немецкой ропате» (самоназвание), но не «Повесть о посаднике Добрыне». Последний в рассказе отсутствует. Его роль с успехом выполняет личность, как кажется, вполне мифическая — «пятиконецкий сотский» с экзотическим именем Фарлук; имя явно не славянское, напоминающее скорее пушкинского Фарлафа, объяснить его появление в повести я не могу. В отличие от имени Добрыни оно не дает никаких хронологических ориентиров. Архиепископ в этой редакции так же безымянен, как и в двух других. Некоторое указание, но не на время описанных событий, а на время создания редакции дает должность Фарлука — «пятиконецкий сотский». Ее появление в Новгороде относится явно к «московскому» времени⁵, возможно, даже после разгрома города царем Иваном Грозным (1569–1570)⁶. Датировка редакции последней третью XVI — началом XVII в. (но почти несомненно до шведской оккупации) не противоречит датировке двух предшествующих, хотя и не объясняет причин и обстоятельств ее создания. В самом тексте можно отыскать указания на то что события относятся ко времени новгородской независимости (чего стоит хотя бы упоминание «вечевского двора» перед рассказом о гибели Фарлука), но противоречия повествования, как будет показано ниже, вообще свойственны этой редакции.

Новая редакция «Повести о новгородской ропате» вполне может быть охарактеризована как сильно фольклоризированная. В сравнении с ней две предшествующие выглядят строго документированными источниками, хотя в этом отношении большинство исследователей, начиная с Н.М. Карамзина, воспринимало их весьма критически (см., к примеру [1. С. 154–155; 2. С. 607; 7. С. 325–326; 8. С. 107–108]⁷). Достаточно сказать, что немцы дважды дают Фарлуку за услуги (сначала за получение разрешения на постройку храма, а затем за защиту постройки от слома) по бочке золота и серебра (в предшествующих редакциях фигурирует лишь «посул» Добрыне). При этом главный персонаж выведен как скопище пороков. Он не только продажен, но и стал вероотступником — немцы «присвоили» его и «удобряя [...] научили втай латинской вере».

Продолжим перечень разночтений и противоречий между Погодинской редакцией повести и предшествующими. Для строительства «ропаты» Фарлуку не нужно сносить деревянный храм Предтечи, достаточно отыскать подходящее место в центре Торговой стороны («между больших улиц»). На «ропате»

³ Работа не получила в дальнейшем продолжения.

⁴ В кодикологическом отношении сборник достаточно подробно исследован Д.К. Уо, который датировал часть, включающую повесть, первой половиной XVII в. [12. С. 151–152], Эта часть кодекса написана четкой великорусской скорописью, вполне соответствующей датировке по филиграммам.

⁵ Благодарю за консультацию по этому вопросу Б.Н. Флору и И.Ю. Анкудинова. В словарях древнерусского языка словосочетание не зафиксировано.

⁶ При этом, безусловно, нельзя ограничивать верхний предел создания редакции 1586 г. на основании того, что новгородский архиерей именуется архиепископом, а не митрополитом, поскольку описываются явно времена прошедшие.

⁷ Ср., впрочем: [6. С. 151–152; 9; 13. С. 88].

стараниями «пятиконецкого сотского» был написан не образ Спаса, а Деисус. Интересно описание восприятия «ропаты» рядовыми новгородцами. Они явно видели в ней просто еще один храм, не отличая ее от православных. После же написания Деисуса, они «учали к той ропате к пению приходить» и слушали «арганное игранье».

Отсутствие в Погодинской редакции сюжета слома / перенесения церкви Предтечи, на месте которой была построена «божница» делает непонятным происхождение «молвы» о чуде, которое должно произойти с главным героем (в ранних редакциях он восходит к пономарю Предтеченской церкви, услышавшему об этом в храме [10. С. 190]. Разнится и время предсказанного чуда — «в третьем часу» в ранних редакциях и «в шестом» в Погодинской. В первом случае люди в ожидании зрелища собрались на мосту через Волхов (что вполне оправдано), а во втором на «вечевском дворе». Отличается и направление плавания. Добрыня едет в «насаде» с веча на Софийскую сторону к «своей» улице, а Фарлук в струге явно наоборот.

Описание гибели Фарлука фольклоризировано и гипертрофировано. Если насад Добрыни ветер поднимает на две сажени [10. С. 190], то струг Фарлука, по словам его спутника, «до третьего неба» — так высоко, что он «из очию вышел». Упав в реку, струг погрузился в «самый нижний ад». Из людей Фарлука (о нем самом и его теле ничего не говорится) выплыл лишь один, который поведал о полете и о мучениях еретиков в преисподней.

Завершается повесть полулетописным (с отсутствием дат и имен) сообщением, что архиепископ приказал снести «ропату» и построить на ее месте деревянную церковь во имя Иоанна Предтечи. Церковь дважды горела и архиепископ получил совет свыше («в тонце сне») построить каменный храм.

Таким образом, Погодинская редакция повести свидетельствует, что сюжет привлекал к себе внимание на протяжении практически всего XVI в. Уникальный характер списка (хотя находки новых в будущем вовсе не исключены) свидетельствует, что опыт создания «фольклорной» редакции, вероятно, не был признан русскими книжниками XVI–XVII вв. удачным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1816. Т. 3.
2. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3
3. *Дмитриев Л.А.* Повесть о варяжской божнице // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1989. Вып. 2 (Вторая половина XIV – XVI вв.). Ч. 2 (Л–Я). С. 225–227.
4. *Бобров А.Г.* «Повести древних лет» // *ТОДРЛ*. СПб., 2003. Т. 54.
5. *Турилов А.А.* Почитание Иоанна Предтечи на Руси и у южных славян // *ПЭ*. М., 2010. Т. 24 (Иоанн Воин – Иоанна Богослова Откровение).
6. *Несин М.А.* Социальная организация новгородского веча // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Мат-лы научной конференции*. Великий Новгород, 2013.
7. *Лукин П.В.* Новгородское вече. М., 2014..
8. *Никольский А.И.* Сказания о двух новгородских чудесах из Жития Иоанна Предтечи и Крестителя Господня // *ИОРЯС*, 1907. Т. 12. Кн. 3.
9. *Рыбина Е.А.* Повесть о новгородском посаднике Добрыне // *АЕ* за 1977 г. М., 1978.
10. *ПЛДР*: Вторая половина XV в. Л., 1982.
11. *Бычков А.Ф.* Описание церковнославянских и русских рукописей сборников ИПБ. СПб., 1882. Ч. 1 (Описание церковнославянских и русских рукописных сборников ИПБ. Ч. 1).
12. *Уо Д.К.* К изучению рукописного собрания П.М. Строева (Ч. 2) // *ТОДРЛ*. Л., 1977. Т. 32.
13. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962.

Рассмотренный вариант повести публикуется ниже в упрощенной орфографии по единственному известному в данный момент списку — РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1570, л. 190об. — 193.

31. Повесть ноугороцкая*⁸ о немецкой ропате.

В Великом Новѣгороде немцы били челом архиепископу, чтобы им поволит поставити ропату для приезде немец торговых людей, и архиепископ им ропату поставити не поволит. И они к себе присвоили пятиконецково* соцково*, именем Фарлука. И убодря его, научили втай латынской вере. И он им изымался у архиепископа выпросити ропату поставити. А они ему от того дали бочку золота, а другую серебра. И он им велел бити челом архиепископу при себе, а говорити: «Не пожалуешь нам, не поволитъ, в Нове (л. 191) городе поставити ропаты, и мы у себя в Немцах у ваших русских людей велим Николин храм сламати*». И соцкий Фарлук у архиепископа упросил ропату поставити. И они бы у себя, у русских торговых людей Николина храму не велели сламать*. И архиепископ, желея* русских людей, велел им ропату поставити. И немцы ропату поставили между больших улиц. И русские простые люди учили на ропату смотря кланяться. И архиепископ опять веле был им ту ропату сломать. И тот же Фарлук у немец взял другую бочку золота да бочку (191об.) серебра. А велел им архиепископу бити челом при себе, чтоб им онвес* на той ропате написать Деисус — образ Спасов и Пречистые. И немцы архиепископу били челом, чтоб им велел написати Деисус на ропате — и образ Спасов и Пречистые. И архиепископ их челобитья не послушал. И тот же Фарлук, держа латинскую ересь втайне, упросил у архиепископа на ропате образ написати. И немцы на ропате написали Деисус — образ Спасов и Пречистые и Предотечи Иованна*. И русские люди, смотря на образы, учили к той ропате и к пению приходити. И смута в людех почала быть великая для их (л. 192) прелестново* пения и арганново* игранья. И в Новѣгороде на торгу и по улицам учала бысть молва: «Збирайтеся, смотрите чюда Фарлукова в шестом часу дни». И та молва донесся до архиепископа и до того* пятиконецково* соцково* Фарлука, что збираются люди, а говорят: «Смотрите чюда Фарлукова в 6-м часу дни». Фарлук же повеле себе струг устроити и многих людей с собою нарядити в золоте. И приехав, пристал у берега, у Волховского места⁹. И ему сказали, что люди копятся за рекою, на вечевском дворе. Фарлук же повеле в стругу за реку (л. 192об.) ехати. И как будет среди реки Волхова, и тот струг и с людьми, подняв, понесло вверх, и из очию вышел. И люди тому чюду нача дивитися, что ся то будет. И проиде тому время некакое — опять тот струг сверху бежит, и ударился на то ж место в воду среди реки. И проиде время немалое — судна и людей нету, люди ж тому чюду дивяшеся. Аже из реки въсплыл един человек и учал им сказывати, что их, в стругу подняв, вверх несло до третъиво* небеси. А от третъиво* небеси их ринуло на низ, и в воду, в самой* нижней* ад. И тако видел по муком (л. 193) многих проклятых и еретиков. И архиепископ тое ропату велел сломать, а на том месте поставити храм во имя Предотечи Иованна*. И тот храм згорел, и он поставил другой храм, и той храм згорел же. И архиепископу в тонце сне слышай глас поставити храм камен. И архиепископ на том месте и велел храм камен устроити. И стол храму совершается, служба Пресвятей Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу. Ныне и присно, и во веки веков, аминь.

⁸ Здесь и далее звездочка означает — так в рукописи.

⁹ Так, вместо: «моста».